

РОМАН
ИГНАТЬЕВ

ИХӨР

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
И 26

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Орехова

Игнатъев Р.

И 26 Ихор : роман / Роман Игнатъев. — СПб. :
Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. —
320 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-30077-4

Фома Бессонов приезжает в свой родной городок Костугай, чтобы уладить семейные дела. Он отправляется в дом престарелых, где доживал свои дни его дед. Там-то он получает таинственную рукопись, повествующую о судьбе некой Риты, попавшей в воронку Гражданской войны. Рита тоже оказалась в доме престарелых, и теперь она требует, чтобы Фома стал ее секретарем вместо его деда. Взамен она обещает деньги и исцеление таинственным ихором — Фому изматывает кашель. Вскоре Фома понимает, что в пансионате, да и вообще в городе, творится какая-то чертовщина, а старики, живущие в этом доме престарелых, замешаны в кровавом культе: каждый год они выбирают короля или королеву...

«Ихор» — динамичный мистический триллер, в котором события прошлого и сегодняшнего дня отражаются друг в друге, как в зеркале. Монгольские духи вмешиваются в жизни людей, чтобы вершить собственную волю.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Роман Игнатъев, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30077-4

Морозный рассвет, туман.

В стекло постучали. Фома съежился на заднем сиденье, точно потревоженный паук. В окно просунулась бритая морда в фуражке. Фома стряхнул с себя невидимый пепел и взялся за ручку стеклоподъемника.

— Давно в овраге кукуешь?! — спросил капитан полиции.

— Ночью сорвался. Скользко, — ответил Фома.

Полицейский осмотрел потрепанный салон, шмыгнул носом и обернулся.

Грохотала колонна военной техники: бесконечная охряная многоножка тянулась на запад, к столице и дальше: там для нее приготовлено место, где настанет час разбиться на пульсирующие шматки и расползтись по черным углам. На бэтэрах сидели солдаты и смачно курили, то и дело поправляя автоматы.

Светало, и сквозь низкие облака пробивалось слепящее алебастровое солнце. На широком поле под обрывками туманной пелены высыхала земля, влажная и податливая.

Грузовик вытянул из кювета старенький «рено» и, отцепившись, уехал. Фома осмотрел

машину — пара пустяковых вмятин — и сел за руль.

— А чего тут дрыхнул-то? — спросил капитан.

— Вспотел, потом знобило. Температура поднялась. Простудился.

— Бухой был? Или вещества принимаешь?!

— Не практикую и не употребляю, гражданин полицейский.

— Пластик давай, паспорт, все сюда!

Рассматривал долго; изучал худое лицо на фото, сравнивал с раздавшейся рожей напротив: волос меньше и землистый цвет лица. Вернул документы и проверил багажник, запаску, посветил фонариком в распахнутый бардачок и на днище машины.

— Ну-ну. — Полицейский цокнул языком и спросил: — В курсе, что можешь застрять в Костугае?

— Не хотелось бы.

— Вообще-то, приказ не впускать, — сморщился капитан, ожидая возражений. Но вдруг передумал, вырвал у Фомы паспорт и глянул на место рождения. — Здешний, что ли?

— Деда хоронить еду, — соврал Фома.

— В области беспокойно, так что береги башку и не дрыхни за рулем, — смягчился капитан и грохнул ладонью по крыше. — Кати отсюда!

Колонна все ползла, появились зенитные установки, им не было числа. Полицейский залез в служебный «форд», включил мигалку и поторопился вслед за техникой.

Фома со второй попытки завел машину — аккумулятор давно под замену — и свернул с обочины на пустое и мокрое от ночного дождя шоссе. Его «логан» разгонялся медленно, чертыхаясь пластиком гремучего салона. Впереди замаячил указатель «Костугай» — сто семьдесят шесть километров.

На Фому навалился невыносимый кашель; холод въелся в кожу и кости. Футболка промокла от пота, надо бы поменять. Фома выругался и свернул на АЗС. Порылся в сумке, нашел сухую майку и переоделся. Кожа покрылась мурашками, снова набросился кашель, Фома прослезился. Не от обиды или боли, просто таким неистовым и приставучим был этот кашель. Болезнь бралась за него всерьез. Хлебнув из термоса лимонного чая, он снова уселся за руль. Сентябрь ему не благоволил, после ночного ливня туман застал дорогу.

Позади «логана» осталась помпезная въездная стела, украшенная голубями и торгашескими баркасами. Погода окончательно испоганилась, над дорожной лентой выстилалась беспробудная серь. Машина остановилась напротив кафе «Кормилец», где когда-то подавали крафтовое пиво, варившееся на заднем дворе. Внутри воняло чесноком и кислым тестом. За широким сосновым столом обедали дальнобойщики. Официантка Марина встретила Фома наглой улыбкой.

— Какие люди в Голливуде! Проездом иль погостить?

— Почем манты, Мариш?

— Извиняй, но мантов нету.

Фома сощурился, снял куртку и прошел в туалет. Справив нужду, он решил покурить, но вспомнил, что не покупал про запас, да и врачи ему запретили, угрожая раком легких. Фома плевал бы на них, но кашель по морозцу становился тяжелее. Он сполоснул усталое лицо, напечатал в мессенджере жене пару слов — «доехал, не волнуйся» — и вернулся к бездельничающей Марине.

— Чего ты тут? — спросила она.
— Дед у меня помер.
— На похороны приехал?
— Не, уж полгода как в гробу лежит.
— Наследство, значит, делить?
— Не, все не то. — Он помедлил и ответил: — Вообще-то, по работе.

Нутро его запросило коньяка. Выпьет, заснет за рулем и втемяшится в полированный зад какого-нибудь бедолаги. Или в столб, и башкой расшибет стекло, крови натечет — потом убирать замучаются. Такие скверные мысли да поутру. Фома встрепенулся.

— Вареники-то хоть есть? — спросил он.
— Ага, — кивнула Марина. — С картошечкой.

Вместе со слякотным воздухом дальнобой в кожаной куртке впустил в кафе пришлую псину, лохматую и костлявую. Она жалась к мужику и скулила. Дальнобой пнул пса в сторону Фомы и зыркнул так, словно прочитал его мысли и готов был ответить кулаками. Собак Фома любил с детства. Родители животину запрещали, и тогда они с пацанами смастерили шалаш на болоте и прикормили болтавшуюся в окрестностях дворнягу. Дворняга жила у них все лето, жрала сосиски, батон и макароны по-флотски. Пса кликали Вандам, и он отзывался. Возможно, у клокастого скитальца имелась тысяча имен и каждое он помнил и отвечал любому, кто эти имена изрекал.

Фома взглянул на тощую дворнягу, крутившуюся возле дальнобойщиков. Они громко

спорили о диаметре шин, маршрутах, зарубежной политике. Один водила выудил из тарелки с борщом кусок костлявой свинины и бросил на пол. Собака с чавканьем сожрала подачку.

— Как дочурка? — спросил вдруг Фома, дожидаясь заказа.

— Только о папке и треплется. Но я ее хрена с два ему отдам! — Марина тяжело вздохнула, поправила передник. Ее свинцовое лицо иссохло, глаза неясного цвета словно провалились вглубь черепа. Она не была даже мимолетно привлекательной. Вещала тягуче и тоскливо: — Папке ее все мозги скоро отобьют, а он, дурень, радуется.

— Тиктак до сих пор дерется?!

— Не зови его так! — Она помрачнела.

Мужик в кожанке встал из-за стола, сунул в зубы сигарету и, проходя мимо пса, дал ему носком в бок. Дворняга взвизгнула.

— Приют собачий где тут у вас? — спросил Фома.

— Городская псарня на Высоцкого вроде есть. Хотя там умиральник, кормят чем попало. И в колхозе у Заруцкого, это на Сермяжках, за городом.

— Напиши, куда ехать.

Подоспели вареники. Фома запихнул в себя полпорции, откашлялся и побрел к выходу. Оставшиеся вареники отдал псу, приманил его и вывел на улицу. Мужик в кожанке спрыгнул с подножки своей «скании», закурил и поплелся в сортир. Фома почесал у дворняги за ухом, убедился, что не цапнет, и предложил прокатиться.

Распогодилось: сквозь тучи пробивалось робкое солнце, пусть сырость и выстуживала ноги. По шоссе промчался очередной полицейский кортеж, на сей раз в сторону города. Фома решил наказать живодера, подобрался к фуре и, вынув из кармана куртки мультитул, вспорол им шины грузовика. Дальнобой заметил и заорал матом, силясь догнать вандала и разбить камнями стекло удирающего «логана». Пес потягивал на заднем сиденье и облизывался после сытного завтрака.

Центр Костугая Фома миновал быстро: ни пробок, ни долгих светофоров. Главная улица забита сталинками и хрущевками, новых построек днем с огнем, зато на каждом шагу золотые купола. Народ бродит смурной, будто что-то потерял да позабыл, что именно. Редкая молодежь глохнет в наушниках, чтобы не слышать заунывный гул провинциального города. А люди постарше торопятся завести мусорный разговор — им что бытовой будничный шум, что побыть наедине с собой — невыносимо! Машины уныло и вхолостую сигналият, лишь бы напомнить самим о себе, проснуться.

Фома свернул на гравийку, под колесами зашуршало. Пес по новоиспеченной кличке Буран залаял громче, ему звук шуршащих шин не нравился. Острова Сермяжные, где когда-то пыхтел стекольный завод, соединялись с материком узким дырявым мостиком. Фома прокрался по нему над рекой Выкшей и скатился по пологой горке к забору. Вышел, выпустил пса и осмотрелся. На том берегу среди сосен по линии вычищенного берега он увидел нагро-

мождение серых юрт и новых изб, собранных из бруса; в загонах паслись козы, на лужайке пощипывали жухлую траву коровы. Играла струнная мелодия, о чем-то громко спорили две бабы, но слов Фома не разобрал. Перестав глядеть, Фома позвонил в звонок на заборе, позвал хозяина фермы. Скрипнула калитка, и возник высоченный патлатый парень в плаще поверх белой майки и семейников. Физиономия у Аркаши была вытянутая, нос с горбинкой, заячья губа и мощный кадык. Аркаша запахнулся, и Фому обдало тошнотворным застарелым запахом пота. Аркаша поправил покосившиеся очки и протянул узкую с длинными пальцами ладонь. Фома пожал, но Аркаша не ответил, и у первого создалось чувство, что он лапает труп.

— Ты кто такой? — спросил Аркаша.

— Пса привез. У вас питомник, говорят.

— Говорят — петухов доят. — Он хихикнул. — А кур больше не становится.

— Чего?

— Тот, что ли? — Аркаша кивнул в сторону Бурана, который лаял на птиц, скользящих над рекой. — И сколько дашь за приют? Нисколько?! Хера се! — Аркаша почесал невымытые волосы. — Лады, пусть остается. Ничё собачатина вроде.

— Его Буран зовут.

— Угу. Бывай, — и пробубнил: — Заводят, бляха, а потом не знают, как сплавить.

Аркаша загнал пса на территорию фермы и заперся. Фома поехал в гостиницу.

На территорию фабрики впустили сразу: пропуск Фома оформил загодя. А вот у приемной просидел часа полтора, дожидаясь, когда отсовещаются. Наконец собрание завершилось, и сухощавый дед в строгом костюме позволил войти, сообщая на ходу:

— У нас тут текстильное производство, и то пара цехов. Если б госзаказ осваивали, металл плавил — оно, конечно, другое дело.

Старику принимать трудные решения — раз плюнуть, на посту более пятнадцати лет. Но все же он ерзал в своем широком и определенно мягком кресле. Тут вопрос уважения. Дед этого сонного паренька пахал на фабрике практически с рождения, его фотография прикреплена к доске почета перед проходной.

— Виктор Владимирович, у нас была договоренность. Ехал полдня. — Фома кашлянул, прочистил горло. — Отказ проще по телефону сообщить. Вы же обнадеежили.

— Так и есть, так и есть, — кивнул старик, позвонил секретарю и попросил два кофе.

— Пару дней назад вам быгодились наши станки?

— И сейчас нужны. Только денег нет.

— А вчера имелись? Куда же они испарились за ночь? Вас ограбили?!

— Начинаете дерзить, юноша!

— Простите, но я расстроен. — Фома ослабил ворот рубашки и расстегнул пиджак. Секретарша принесла вонючий и приторный кофе.

— Коньячку, может? — спросил директор.

— За рулем я.

Виктор Владимирович понимающе кивнул и вытер побелевшие от капучино усы. Кабинет был скромный; на стене, сбоку от окна, висела репродукция Дейнеки «„Здоровый дух требует здорового тела“. К. Ворошилов». Напоминал мужчина Гагарина. Виктор Владимирович закурил, разогнал терпкий дым ладонью и указал на стену:

— Познакомился я как-то с Александром Александровичем на выставке в Брюсселе. Мне тогда восемнадцать исполнилось, с отцом-дипломатом напросился. Ничего мужик был, крепкий творец. Твоему деду, правда, картины его не нравились, мазней называл. — И после короткой паузы добавил, что на новые станки нет средств, только что заблокировали на совещании. Он-де был уверенный, а ему спонсоры шиш показали. И оттого страшно неприятно и хочется чем-то загладить вину.

— С дедом вы дружили, что ли? — спросил Фома.

— Ну не то чтобы прямо в десны лобызались. Суровый он у тебя, но последние деньки не бог весть как провел.

— На природе с людьми его возраста все лучше, чем в пыльной квартире.

Директор качнул седой головой и кому-то позвонил. Разговор закончился скоро, и, положив трубку, Виктор Владимирович попросил Фому съездить в дом престарелых. Им шкафы нужны для персонала, сушильные вешалки и вообще всякого по мелочи. Есть такое в производстве? Каталог рассматривал, вроде было.

Фома кивнул, допил кофе и ушел, толком не попрощавшись. Позвонил в машине жене Милане — она изучала очередной курс по IT. Объяснил, что не выгорело, что скоро вернется и обновит резюме. Пригорюнившись, она сочла необходимым дежурно поддержать мужа, выжав стандартные «не парься», «все наладится», «может, не уволят еще» и прочее. Фома знал, что уволят, ему наемдни выпало последнее предупреждение.

Узкая дорожная лента петляла по сосновому бору. Асфальт был ровный, с разметкой. На пути возвышались вековые деревья, они закрывали собой небо. Возник забор, покрашенный совсем недавно синей краской. Табличку пансионата «Рябово» обновили лет пять назад, раньше ее не было. Фома давненько навещал деда, целая жизнь прошла. Клумбы запущены, на жухлой траве рыжели поздние яблоки. Фома приоткрыл окно, и в нос ударил приторно-прелый запах гниения. Усадьбу отреставрировали меценаты. Сначала из нее сделали ночлежку, а затем пансионат. Соединившее в себе эклектику и модерн, здание усадьбы вмещало

около сотни стариков и дюжину персонала. Покатая крыша отливала золотом, в окнах, не смотря на день, горел свет. Фома оставил машину у неприметной постройке, показавшейся ему сараем. Прошел к центральному входу.

Фому встретили постояльцы, сидевшие на туристических стульях и укутанные в теплое тряпье. Они чиркали карандашами в скетчбуках. На крыльце пансионата свежевыбритый седеющий мужчина в рясе что-то декламировал вдохновенно. Фома посчитал слушателей — девять дам и один дедок. Оратор заметил Фому, но никак не среагировал и продолжил проповедь. Фома присел на большой камень, лежавший на скошенной траве. Вещал пастырь мутно, Фома не улавливал связи, но сослался на то, что слушал не с начала. Однако Фоме показалось странным, когда оратор выдал следующее: «...и быть вам каждому в силах стать собеседником мангыса¹, ибо мангыс не есть проклятие или наказание за грехи, не есть мытарство во благо кончины, но есть испытание ради перерождения каждого из вас. Наш владыка милостив и щедр, потому что честен с этим миром на протяжении веков! Станьте и вы честными с собой, и мангыс обратит ваши взоры в ту бездну, откуда вам не выбраться несчастными...». Фома с недоумением оглядел кивавших стари-

¹ *Мангыс* — в мифологии монгольских народов демоническое антропоморфное существо, злой дух, пожиратель людей. Часто ему приписываются элементы звериной природы (шерсть, рога) и многоголовость (иногда это трактуется как оборотничество).

ков. Проповедь кончилась, оратор спустился с крыльца и скрылся за усадьбой. Взревел мотоциклетный двигатель, и тут же блеснул люлькой «Урал». За «рогами» мотоцикла устроился сменивший рясу на косуху проповедник. Фома тронул за плечо престарелую даму и справился о сущности лектора. «А-а, — расплылась она в беззубой улыбке, — это отец Христофор, он готовит нас к праведной смерти».

Петра Петровича, заведующего пансионом, Фома обнаружил на задворках периметра стоящим на краю высокой лестницы, упертой в столб. Снизу ему раздавала советы пара мужичков, но Петр от них отмахивался. Фома выкрикнул приветствие, обернулся один из советчиков и рывкнул:

— Чего надо?!

— Петр Петрович мне нужен, вот что.

— Занят он — не видишь?!

— Что там? — спросил Петр Петрович. Он был угловат, несмотря на выпирающее пузо, а лицо казалось волевым, но уставшим.

— Виктор Владимирович вам звонил насчет меня.

— Витька, старый хрен, вечно пригонит мне какой-нибудь геморрой. — Он спустился на несколько ступенек, сунул отвертку в карман. — Ты чей-то внук, что ли? Витька сказал, твой дед у нас содержался.

— Борис Захарыч Бессонов. Внук я его.

— Захарыча помню, только хоронили. Тебя — не помню. — Петр почти спустился на

землю, но что-то его будто удерживало. — Видишь, камеру вешаем. Будем волков отслеживать, а то наглеть стали.

— Уделите минутку, Петр Петрович, — попросил Фома без надежды.

— Дед твой помер быстро, не мучился, — сказал он и все-таки ступил на землю. — А такой молодцеватый. Жалко старика. Всех жалко, но этот пожить бы мог. Не срослось.

— Мне б с вами о деле поговорить.

— Ну да. — И после паузы как будто очухался и затараторил: — Есть, значит, нужда в шкафах, там, стеллажах. Штук по пятьдесят надо. Это все на склад и в гараж. Мить, ты приплешь пареньку список?

Бухгалтер хмыкнул и кивнул, попросил снабдить электронной почтой.

— Вспомнил! У Захарыча ж дневники остались. Родня забирать не стала. Ты-то глянешь?

Фома пожал плечами и согласился забрать, если только записей там не на контейнер. Петр Петрович заверил, что всего одна папка, а в ней три тетради. Сам он их не изучал, потому как неучтиво это, а вот родственники могут и полистать.

В затхлом уголке, занимаемом главбухом, Фома получил адрес электронной почты, техническое задание и папку с дедовскими тетрадями. Уходя, Фома спросил про священника. «Отец Христофор, — буднично пояснил главбух, — примиряет стариков со смертью. А на мотоцикле, потому что байкер, филиал „Ночных волков“».

На скамейке, под гудящими на ветру соснами, Фома отвинтил крышку термоса, налил чая и развернул бутерброд с колбасой и сыром. Он сделал глоток и закашлялся; приступ был долгий и выматывающий: лились слезы, лицо покраснело. Когда кашель утих, Фома шмыгнул носом и вытерся. Рядом возникла старуха в мышастом пальто. Она шла гордо, держа в руке трость. На шее у нее был повязан оранжевый шарф, а бельма сообщали о слепоте. Она повернулась к Фоме и проговорила: «Кашель дурной. Лечить такой нужно ихором». И поплыла дальше.

Фома съел обед и отдышался. Братся за дедовские рукописи не хотелось: он был уверен, что почерк там ужасный, ничего не разобрать. Все-таки открыл первую тетрадь. Фома сканировал текст, читая наискосок; удивил ровный, каллиграфический почерк. В первом томе Борис Захарович Бессонов рассказывал о детстве в селе, о коне Яшке, матери и отце, теплом молоке и побоях, которые ему и его друзьям учиняли старшеклассники. Потом юность, первая любовь и прочие, по мнению Фомы, банальности. Деда он любил, тот научил его водить машину, брал по грибы, возил на юг. В конце первого тома Борис Захарович вспоминает, как подарил внуку немецкий велосипед, и замечает, каким «лучезарным был Фомка, как улюлюкал и хлопал в ладоши». Мемуары не структурированные, без четкой последовательности, Фома назвал бы их гиперссылочными, потому что дед часто перескакивал с мысли на мысль,

руководствуясь ассоциациями. Первую тетрадь Фома с облегчением закрыл и взялся за третью, но страницы пустовали — дед не успел ее начать. Тогда вторая.

Воспоминания Риты Раум. На память для внученьки

Фома прочел пару страниц откровенных жизнеописаний женщины, лишенной стеснительности. Во втором абзаце имелась такая зарисовка: «Мать моя была стервой и коровой. Не из злобы говорю — заявляю, как есть. Она выгоняла отца на двор и принимала мужиков, подобно Солохе. Пока я кряхтела на печи, играя с желудями, matka орала от пылающих причиндалов, что сношали ее на полу, скамье и столе. Ругалась нещадно, потом ей платили. Matka была курвой, но батя с ней не спорил и спокойно жрал с того самого опоганенного стола, притом причмокивая и с затаенной благодарностью...» Фома хохотнул и увлекся. Детство героини кончилось, когда ее выгнали в поле. Девка выросла и могла рожать. Ее собирались выдать за сына корчмаря, но батя уперся своими рогами, и спорили они с маткой сутки напролет, не замечая, как дитя замышляет побег. К слову, была она вовсе не Раум, а Харитка Сапрыкина, но от первой фамилии позже наотрез отказалась. Ей исполнилось восемнадцать, когда в город зашел отряд молодцеватых разбойников. Казака-красавца она заприметила сразу — чернобровый и усатый, похожий на

черта, со злым и лукавым прищуром. Харитке примерещилось, будто она влюбилась.

Мемуары оборвались, и узнать о дальнейшей судьбе девчушки из пензенской деревни Фома не удалось. Он убрал тетради в папку и задумался. Почерк дедовский — получается, записывал с ее слов. Стал писарем — значит особа произвела на него впечатление, потому что дед сложно было назвать человеком щедрым на комплименты и лесть. Фома не понимал: почему дед бросил писать ее историю, но взялся за свою? Повздорили или Харита умерла? Завибрировал мобильник, вызывала жена Милана с насущным вопросом цвета плитки в ванной комнате.

«Сабраж» — соленые огурцы — аптечная лавка — вестовой столб — военный врач — таинственная смерть — спонтанный договор — неминуемая гибель — сорвиголова в платье — побег

Не пошла бы она в подвал за солеными огурцами, если бы не Прохор, заставивший монетой спуститься ради гостя во владения голодных крыс. Их тут ловят с избытком, в капкан не все влезают, да приманивают не сыром, а семечками. Тока в проводах нет, колеблется свечной фонарь в тощих руках, будто за бортом начался шторм. Харита выпила спирта для храбрости, а потом с двумя мужиками разговоры разговаривала, да в койку так и не затащили. По весне она сбежала от черноусого красавца, который ее колотил и поил отравой, чтобы она оставалась бледной и беззащитной. Хари-

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

РОМАН ВАЛЕРЬЕВИЧ ИГНАТЬЕВ

ИХОР

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Нина Писковитина, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.09.2025.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 14,9. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01	Тел. (495) 933-76-01
Факс (495) 933-76-19	Факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-MOD-39230-01-R